

**Взаимоотношения мужчины и
женщины согласно Священному
Писанию**

Взаимоотношения мужчины и женщины согласно Священному Писанию

Митрополит Антоний Сурожский

Я собираюсь сказать несколько вещей, которые, вероятно, окажутся не совсем связанными. В первую очередь я хотел бы поговорить об основном взаимоотношении Адама и Евы в пределах творческого действия Божия и о том, что случилось в результате падения. Существуют различные толкования начала книги Бытия; я представлю вам толкование, которое мне кажется убедительным, не только потому что считаю, что оно ближе всего к тексту, но также потому что мне представляется, что оно позволяет осмыслить ряд научных фактов, которые свидетельствуют о том, что в мужчине есть женские свойства, и наоборот, в женщине — мужские.

В книге Бытия дважды рассказывается о сотворении человека. Согласно первому рассказу, Бог берет прах земной и из него творит человека. Но при этом Он не говорит: “Создам человека по образу и по подобию Своему”, но: “Создадим человека по образу Нашему и по подобию Нашему”. И существо, которое в тот момент выходит из рук Божиих, является как бы образом многосложности Божией, отражением того, что Бог Един в Трех Лицах; это выражается в том, что человек один, но больше, чем монада, чем арифметическая единица.

Мимоходом я хотел бы обратить ваше внимание на один момент, который мне кажется важным. В рассказе книги Бытия человек показан не как последняя ступень эволюции, в том смысле, что Бог не берет самую совершенную обезьяну с тем, чтобы отнять у нее некоторые обезьяньи признаки и добавить ей человеческие свойства, и таким образом создать человека. Нет, Бог обращается к первичному материалу творения — к земле, к тому первичному материалу, который Он создал и произвел. И благодаря тому, что Бог творит человека из первоосновы земли, которая возникла по Его слову, человек создан подобным *всему* тварному: земле, первооснове всего. Человек, созданный из земли, принадлежит тому же веществу, из которого создано все существующее, начиная от величайшей галактики и кончая мельчайшим атомом, начиная с простейших форм жизни и до самых сложных ее форм. В этом отношении человек абсолютно первичен, в том смысле, что принадлежит первооснове всего.

Это относится и к тому, как мы воспринимаем Христа. Христос, Бог, ставший человеком, становится человеком на этих основаниях; и тем самым Он сродни не только человечеству, что самоочевидно, но *всему* тварному. И Максим Исповедник, наряду со многими церковными писателями, настаивает на том, что Христос имеет космическое измерение, через Свою плоть, Свое тело человек Иисус имеет космическое измерение. Весь тварный мир может себя узнать в Нем, узнать себя в полноте и совершенстве своего призвания, видеть себя в Боге, в таком совершенном единении с Ним, что обещания апостольские о том, что придет время, когда *Бог будет все во всем* (1 Кор. 15, 28), когда человек станет *причастником Божественной природы* (2 Пет. 1, 4), — эти обещания *уже* исполнились, нам уже явлены не только как возможность вообще, но как возможность *для нас*, потому что они действительно и реально осуществились в одном человеке — Иисусе из Назарета.

Но согласно взгляду на сотворение человека, который я упомянул, человек, человеческое существо, является всечеловеком, он — существо человеческое, которое содержит в себе все потенциальные возможности человечества, все, что в человеке может развиваться и стать. А в следующем рассказе, во второй главе книги Бытия мы видим совсем другое; здесь не повторение первого рассказа в иных выражениях, — это новое событие. Ново в нем то, что это

человеческое существо, которое несет в себе все мужские и все женские свойства, оказывается перед лицом ситуации, которая приводит его к следующему шагу в самопознании: Бог приводит к Адаму все твари, чтобы они получили от него имя. Оставим в стороне это наречение имен; но вот что происходит в этот момент. Человек (это совершенно ясно из Библии) обнаруживает, что во всем творении только он одинок, у него нет пары. И в этот момент он видит в себе неполноту, субъективную неполноту, потому что он не может *знать* себя как тот творческий хаос, из которого может появиться нечто большее. И потому что он ощущает неполноту, чувствует нужду в спутнике, который был бы равен ему, который был бы тождествен ему, но одновременно *другой*, Бог действует, отзываясь на это новое самосознание человека.

Текст, как он читается в переводах практически на все языки, говорит, что Бог наводит на Адама *глубокий сон*. Но есть один перевод, очень интересный, потому что он был сделан за столетие до Христа и, следовательно, в нем нет влияния еврейской Библии, перевод, сделанный евреями в Александрии по указу царя Птолемея, который хотел иметь греческий перевод Библии. И в этом переводе, так называемой Септуагинте (“переводе Семидесяти”), вместо слов “глубокий сон” употреблено слово “экстазис”, которое не означает “экстаз” как взлет, возбуждение. Нет, Бог приводит Адама в состояние, когда он внезапно становится больше себя самого, перерастает себя. Он не становится *меньше*, чем был, в своем сознании, как случается с нами, когда мы засыпаем, — мы перестаем осознавать себя, мы теряем связь с окружающим нас миром, становимся ниже своего уровня. И тут с Адамом что-то случается; что — я описывать не стану, потому что не могу сказать, что это было: он внезапно перерастает себя — и рождается Ева.

Опять-таки, говоря о словах: когда мы переводим текст о Еве, где говорится о ней как о *помощнице* Адаму, мы вводим неверное понятие; потому что помощник бывает *меньше* того, кому помогает, в то время как текст говорит о ком-то, кто присовокупит свою силу к силе Адама, станет с ним лицом к лицу, плечо к плечу, потому что во всем равен ему, является одновременно его подобием и, вместе с тем, совершенно *другим*. И можно сказать, что в момент создания Евы человек достиг полноты. В зародыше все в нем было как возможность исполнения, полноты; теперь Адам и Ева вместе составляют полное человеческое существо, потому что в одиночку они не могли содержать или выражать все потенциальные возможности человечества, и каждый из них наделен потенциями, свойствами, возможностями, которые взаимодополняются, соединяют их, и вместе с тем делают их различными до такой степени, что их взаимное существование необходимо.

Упомяну также, что когда говорится, что Ева была создана *из ребра*, это очень неудачный перевод; многие современные комментарии говорят, что речь идет не о *ребре*, а о *стороне*, как на французском языке можно говорить о ребре и — стороне. Человек разделяется, и две половины оказываются лицом к лицу. И в этот момент Адам смотрит на Еву и говорит: *она — плоть от плоти моей, кость от костей моих*; он узнает в ней себя самого, но как бы вне себя. И в Библии говорится: *она будет называться женою, ибо взята от мужа своего*. По-английски и на всех современных языках это непереводаемо, на этих словах не сыграешь, но по-еврейски это звучит: я — *иш*, она — *иша*, она — это он в женском роде.

И вдвоем они составляют полное, целое человеческое существо. И потому что они *едины*, как говорит Шопенгауэр, “одна личность в двух лицах”, они не видят друг друга нагими, потому что именно не видят друг друга как другого, по контрасту с *собой*. Есть место в писаниях одного богослова ранних веков, которое очень выразительно в латинском переводе; там говорится: прежде падения каждый из них смотрит на другого и говорит: это — мой *alter ego*, другой *я сам*; после падения, потому что случилось что-то, что разбило их единство (к этому я вернусь через минуту), каждый из них смотрит на другого и говорит: я — это я, а тот —

другой... И в тот момент, когда они говорят: “я — это я”, в отличие, по контрасту: я — не другой, не другая, они видят себя нагими.

Это распадение двоицы, пары на две особи — результат их отпадения от полного единства, вернее, от полного общения с Богом (полного в той мере, как это позволяла их незрелость, их невинность). Они теряют Бога, и в этот момент разбивается их единство; кто-то сравнил случившееся тогда с тем, что случается, когда рвется нить ожерелья: все жемчужины есть, но они рассыпались и уже нет связи, нет целостности. В данном случае человек потерял свою цельность, их уже двое, они не едины; и единственный путь к восстановлению целостности — это таинство любви, которая преодолевает разделенность. И теперь им приходится бороться, не просто возрастать все больше и больше в единство, а побеждать эту разделенность через такую любовь, которую Христос описывает как совершенную любовь: полагать собственную жизнь за другого. Что это значит? Это не обязательно означает, что ты будешь убит вместо другого; это означает вырастать в такое сознание, в такое сердечное отношение, в такую направленность всех сил своего существа, что другой *более важен* для нас, чем мы сами, что мы готовы забыть о себе ради полного любви созерцания другого и служения ему.

Я уже не раз говорил, что в нашем словоупотреблении слово “любовь” применяется слишком широко: одним и тем же словом мы утверждаем, что *любим* Бога, и мы *любим* клубнику со сливками. И когда мы говорим о человеческих отношениях, “любовь” означает, что нас привлекает или интересуется другой человек, и мы берем его на крючок, словно рыбак — рыбу; мы — рыболов, другой человек крепко висит на крючке. Любовь может также означать своего рода равенство, когда двое обмениваются тем, что имеют доброго, достойного, и терпят то, что есть в них несовершенного. Но в предельном значении это значит видеть в другом центр, смысл, красоту жизни. И мы видим исполнение этого в начале Евангелия от Иоанна, когда евангелист говорит: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог*. В греческом тексте выражение, которое мы переводим “у Бога”, потому что у нас нет лучшего способа передать его, гласит *ἐκ τῆς φύσεως τοῦ Θεοῦ*, что значит к Богу: Сын существует в направленности к Богу, к Отцу, не Сам по Себе, не для Себя. Это видение Отца, которое наполняет Его ум, Его сердце, Его бытие, Его сущность, не затмевается ничем.

Вот что в основе; и когда мы говорим о любви, о той несовершенной любви, какую мы знаем и которая может вырасти в большее совершенство и порой достичь подлинного величия, мы можем вспомнить место из рукописи Нового Завета, которая хранится в Кембридже. Там говорится, что Христа спросили: когда придет Царство Божие? — то есть: когда будет восстановлен Рай, и *больше*, чем Рай, потому что Рай был местом невинности, началом, тогда как Царство Божие — место полноты; и Христос ответил: Царство Божие *уже* пришло там, где двое — уже не двое, но одно... В этом смысле мы вправе сказать, что взаимоотношение между мужчиной и женщиной, когда они достигают высшего уровня любви, уже есть осуществление Божьего Царства: это Царство Божие, пришедшее в силу. Я говорю “в силе”, потому что оно еще не в полноте, должно прийти больше, еще больше может быть дано и принято, потому что Царство Божие в своей полноте придет только тогда, когда оно охватит все творение. И однако, в зачатке оно уже здесь, процесс его завершения зачатчно уже идет и как бы уже перешел грань необратимости.

Таким образом, существует несколько ситуаций, которые мы можем рассмотреть. Есть основоположная, изначальная ситуация — сотворение человека по образу Троицеобразного Бога, — человека, который содержит в себе все скрытые возможности мужчины и женщины; есть действие Божие, которое происходит в ответ на то, что человек обнаруживает свое одиночество, обнаруживает свою неполноту, — экстаз, а не сон является дверью этого действия. Элизабет Бер-Зижель сказала полушутя, что если правда, что человек — венец животного мира, то можно сказать, что Ева — венец человеческого мира. Это не так; это

хорошая шутка, но это не совсем верно. Но можно сказать, что с творением Евы сотворение человека достигло полноты; да, без нее человек, человеческое существо — еще потенциальность, еще не реальность.

Дальше в Священном Писании мы видим Воплощение. В Воплощении Христос, Сын Божий, становится Сыном человеческим, рожденным от Девы; Он истинно и в полноте Бог, потому что Его Отец — Бог. Бог — и я употребляю слово “Отец” не по контрасту с “Матерью”, Бог, если можно так сказать — источник Его Божественного бытия, Мария — источник Его человеческого, телесного и душевного, психологического (я не люблю это слово, потому что оно приобрело так много коннотаций) бытия. Он снова всечеловек, не случайно мы говорим о Христе как *новом Адаме*; Он не “новое” существо, пришедшее в мир, Он снова то, чем был Адам, но достигший полноты совершенства. Но если это правда, это означает, что в Нем содержится полнота мужского и полнота женского, в Нем женщина и мужчина получают полноту выражения.

Это очень важно, потому что когда речь идет о священстве, когда речь идет о многом в Церкви и вне ее, мы слишком легко бываем склонны говорить о Господе Иисусе Христе в мужском роде: *Он*, и исключать женский. И однако кажется, святой Афанасий Великий говорит о том, что — чего Христос не воспринял, того Он не искупил, не спас; и если Христос не принял на Себя полноту женского, то она осталась вне спасения. От этого не отделаешься отговорками. Но если это верно, то это открывает широкие и очень интересные перспективы относительно того, как мужчина и женщина соотносятся друг с другом и с Богом, относительно того, что такое они сами по себе, что они представляют, чем они являются: не только по отношению к священству, но и по отношению к Богу, в их общении с Богом, по отношению друг к другу, по отношению к тварному миру. Здесь вопрос, которого я касаться не буду.

В связи с нашей темой мне был поставлен вопрос о возможности или невозможности полноты жизни в рамках брачного взаимоотношения или вне его. В связи с этим, я хотел бы сказать нечто о Церкви.

Вслед за апостолом Павлом мы всегда говорим о Церкви как о Невесте Христовой. В православном представлении Христос — Жених; но этим все не исчерпывается. Потому что если обратиться к образам, которые мы находим в Писании, в богослужебных текстах и в сочинениях богословов, вы увидите, что образ Церкви в ее исполнении и славе в конце времен дается в образе брачного пира; есть несколько притч Христовых на эту тему и есть множество мест Ветхого и Нового Завета, которые либо ясно говорят об этом, либо ведут нашу мысль в этом направлении.

Брак, понимаемый как перерастание двумя взаимной инаковости в единство, такое единство, которое не затмевает того, что каждый из них единственный, неповторимый и не может быть сведен к другому, но что *вместе* они составляют полноту, которой по отдельности не являют, — такой брак является образом Царства Божия и его исполнением. Но есть в Писании, а именно, у апостола Павла выражение, которое говорит, что Церковь-Невеста идет за своим Женихом, куда бы Он ни пошел. И это другой аспект брака. Брак Агнца, если употребить выражение книги Откровения, или брак царя, как в евангельских притчах, здесь дополняется другим образом. Образ брака есть окончательное исполнение — которое начинается уже сейчас — потому что конец, в каком-то смысле, уже пришел; с того момента, когда Бог стал человеком, *Конец* в лице одного человека, в Лице Господа Иисуса Христа, Конец как совершенное, окончательное исполнение всего — уже настал и находится среди нас. Мы живем в мире, куда уже вступил Восьмой День в Лице Господа Иисуса Христа, и в этом Восьмом Дне мы участвуем в той мере, в какой соучаствуем в том, что есть Христос: через Крещение, которое есть умирание со Христом и воскресение с Ним, через наше общение в молитве, в жизни и т.д.

Так что мы можем видеть уже теперь, — поскольку Восьмой День, можно сказать, уже действует внутри Седьмого Дня — что вечность уже действует в истории, присутствует в ней не как мечта, не как устремленность, но как событие, которое уже произошло, и благодаря этому человеческий брак может вырасти в меру образа Царствия. Но есть и еще другой аспект: мы живем в мире падшем, в мире греха, понятого как отделенность от Бога, отделенность друг от друга, разделенность внутри нас самих, незавершенность, неполнота, — мы подобны поврежденной иконе; мы — образ Божий, который был изуродован, но потенциально может быть восстановлен в своем совершенстве. И в этом контексте мы не способны жить славой, в славе Восьмого Дня, Будущего Века, славного Дня, который выражается радостью Невесты и Жениха. Мы живем в мире, который для каждого, кто следует за Христом по призванию, является Крестным путем, — разве что мы изменили своему призванию. Когда Писание говорит нам, что мы призваны следовать за Христом, мы должны следовать за Ним *до конца*, и за Крестом — в Воскресение; но мы не можем пройти мимо Креста и сказать: Тебе, Господи, смерть, мне — жизнь...

Это очень ярко, остро выражено в рассказе о том, как Христос идет в Иерусалим и по пути говорит Своим ученикам, что Сын Человеческий будет предан в руке человеков, будет судим, осужден, распят, и что Он восстанет в третий день. И тут Иаков и Иоанн подходят к Нему и говорят: когда Ты восстанешь — можем ли мы сесть по правую и левую руку от Твоей славы? Они совершеннопрошли мимо факта, что для того, чтобы стать во славе Спасителем мира, Христос должен пройти через испытание Страстной седмицы, распятия, смерти, сошествия во ад. Всего этого они не слышали; они слышали только, что можно будет воспользоваться результатом Его распятия. И Христос останавливает их и говорит: Готовы ли вы пить Мою чашу? Готовы ли вы погрузиться в Мое испытание? — это не дословный перевод, но именно передает смысл Его вопроса: готовы ли вы креститься Моим крещением? — потому что “крещение” по-гречески значит “погружение”. Вот вопрос о месте христианина и Церкви в истории.

Так что есть эти два аспекта; и в следовании Христу на распятие можно видеть то, что мы видим в, так сказать, посвященном безбрачии. Я не говорю “монашестве”, потому что это слово сразу вызывает мысль о монастыре, общине, учреждении; я говорю о сознательно выбранном безбрачии людей, мужчин и женщин, которые, ради следования за Христом, готовы отказаться от всего, всякой привязанности, всего, что могло бы стать земным свершением, ради того чтобы следовать за Тем, Кто есть их Господь, их Спаситель, их Бог и пример для подражания.

И мы видим, что в такой ситуации может быть разделение полов, но не разделение призваний; и чтобы не распространяться слишком долго на эту тему, я закончу свою беседу примером, который мне кажется очень интересным, он взят из житий святых православного календаря под 18 ноября (не думайте, что я наизусть помню календарь, просто один мой близкий друг в этот день был пострижен в монашество).

Это рассказ о двух святых. Молодые люди, Галактион и Епистимия, любили друг друга, их семьи давно уже сговорились, что они поженятся. Они оба горели безграничной любовью к Богу, любовью ко Христу, благоговением перед Ним, и хотели следовать за Ним до конца, если нужно — до креста. И когда они сочетались браком и впервые встретились в брачном чертоге, они стали говорить друг с другом о своем отношении к Богу, к самим себе, друг ко другу. И отношение их настолько совпадало, что они оба решили, что они муж и жена, потенциально едины, потенциально Царство Божие пришедшее в силе, но еще недостаточно созрели, чтобы осуществить его в славе, и они оба, каждый, уйдут в монастырь и будут осуществлять свою христианскую, духовную жизнь в монашеском звании. Они расстались в ту же ночь, пошли в монастырь, он в мужской, она в женский, и жили там какое-то время. Пока однажды в монастырь, где жила Епистимия, не дошла весть, что началось гонение в, насколько помню,

Александрии и что ее супруг Галактион схвачен, взят на мучения. И тогда — и вот что меня глубоко трогает — Епистимия пошла к игуменье своего монастыря и сказала: “Супругу моему Галактиону предстоит претерпеть страдания, — *мое место с ним!*” И игуменья сказала: “Да, действительно так! Иди и присоединись к своему супругу!” И они вместе умерли мучениками.

И это замечательное видение того, что лежит в основе единства двух людей, которые путем любви вступают в брак на уровне потенциального Царствия, которые в нашем падшем мире, в трагическом мире, где мы живем, выбирают идти путем целенаправленно избранного безбрачия, не нарушая связи любви и брака, и которые, когда смерть предстоит одному, соединяются, дабы умереть вместе как супружеская пара и осуществить свое единство в общем мученичестве. Не знаю, представляет ли то, что я сказал, какую-то ценность или интерес, но вот какое-то количество мыслей, из которых некоторые, вероятно, несколько необычны, и возможно, вы сможете начать думать на основании того, что я сказал, отмечая то, что я сказал, но отмечая со знанием предмета, продуманно, творчески, и заменяя то, что вы отбрасываете, более зрелым видением того, что вы, вероятно, принимали как житейское общее место.

В заключение скажу еще: сейчас такой период, когда отношения мужчины и женщины подвергаются пересмотру со стороны скорее женщин чем мужчин; и это глубоко опасная ошибка: женская проблема — проблема мужская. *Мужчины* создали то уродливое положение, когда женщина порабощена, женщина — человек второго сорта, мир, где женщине часто нет места — и я не имею в виду профессионально, я говорю о ситуации в целом, когда женщина постоянно, повсеместно унижена. Мы забыли, что она равная мужчине, что она призвана быть спутницей, той, которая стоит лицом к лицу. Она отражает славу мужчины, и мужчина отражает славу женщины, и вместе они — *одночеловеческое* существо, не иначе. И мужчине надлежит теперь продумать и пересмотреть всю ситуацию, и трудиться над искуплением уродливого положения, которое возникло с падения, которое совершенно точно описывает то, что случится, но не есть приказание от Бога, а печальная констатация: “Вот что ты сделаешь с миром, который Я создал, чтобы он был образом Святой Троицы: любви совершенной, любви торжествующей”.